

Ариадна И. КУЗНЕЦОВА (Москва)

**Диахроническая информация лингвистического
и экстралингвистического характера
во фразеологии самодийских языков
(на примере селькупского и ненецкого языка)**

Относительно того, что такое фразеологизм и идиома, уже много десятилетий (если не сказать все XX столетие) ведутся ожесточенные теоретические споры, не приводящие до сих пор к единому общепринятому пониманию данных терминов и, тем не менее, всеми (но по-разному) используемых. Ясно одно: речь должна идти о некоторых своеобразных выражениях (чему соответствует греческое слово *ιδίωμα*), представляющих собой неразложимое в настоящее время словосочетание, значение которого не является простой суммой этих значений, т.е. не определяется конкретными значениями входящих в него слов, порою давно утраченных. Фразеология тесно связана с историей, бытом, этническими и культурными традициями народа, его мировосприятием и психологией. Этим и объясняется, что не все фразеологизмы (идиомы) того или иного языка имеют эквиваленты в других языках. Вместе с тем, хотя при определении идиомы и говорится о своеобразии выражения, присущего какому-либо языку, на самом деле, эквивалентные выражения могут быть свойственны нескольким как родственным, так и не родственным языкам, обычно свидетельствуя о сходстве культур, условий жизни народов и о близости внутренней формы слов – образов, которые лежат в основе мотивировки значений слов. Типологическое сходство в идиоматике наблюдается, в частности, в самодийских языках; своими корнями оно уходит в далекое прошлое этих языков. В дальнейшем (без обращения к теоретическому обоснованию понятий *идиома* и *фразеологизм*) будут рассмотрены устойчивые сочетания, интерпретация которых требует знания исторических реалий, особенностей исчезающей духовной жизни народа (условно – идиомы), и устойчивые обороты, понимание которых связано в первую очередь с законами сочетаемости слов в системе языка, с метафорическими переносами значений (условно – фразеологизмы).

Подобно тому, как условно различие между названными двумя разновидностями устойчивых сочетаний, условно и противопоставление синхронии и диахронии в языке: нельзя

изолировать синхронную (состояние языка в определенную эпоху) от диахронии (эволюции языка). Описание любого синхронного среза и фиксация в нем многочисленных наслоений, возникших в прошлые эпохи и часто уже не понимаемых, хотя и употребляемых современными носителями языка (свидетельством этому служат идиоматические выражения в селькупском и ненецком языках), позволит дать более адекватное описание самой эволюции языка.

Анализируемый материал представляет собой более 500 устойчивых единиц из ненецкого языка и 200 единиц – из селькупского, собранных из разных источников (словарей и текстов соответствующих языков, полевых записей, этнографических работ). Неравное количество исследуемых единиц в двух языках объясняется, с одной стороны, лучшей сохранностью ненецкого языка по сравнению с селькупским, с другой стороны, богатством текстов и хорошими словарями, в которых специально фиксировались идиомы и разного типа устойчивые единицы ненецкого языка, в то время как для селькупского языка нет ни того, ни другого. Однако, в ненецком языке в настоящее время более четверти устойчивых единиц уже не известны носителям языка. Это свидетельствует об исторических изменениях, происшедших, по крайней мере, в литературном языке, у носителей которого проверялись идиомы. Многие устойчивые выражения «законсервировались» в фольклоре, исчезнув только из разговорного литературного языка. Не исключено, что сохранность идиоматики в диалектах значительно лучше, чем в литературном языке.

Среди устойчивых сочетаний можно выделить прежде всего такие выражения, первичный смысл которых утрачен вместе с утратой древнего миропонимания, вызван забвением древних легенд об устройстве мира. Это **идиомы**, своеобразные хранилища сведений о древней культуре народа. Так, нен. *нанэ эмбáць* «наводить страх, ужас», «превратиться во врага» букв. означает «одеться, нарядиться подземным духом», таким, появление которого предвещает смерть; этого факта современные носители языка не знают и перевести первое слово идиомы не могут. В словаре есть лишь сущ. *нанг* «мочевой пузырь»; возможно, оно имеет отношение к существам низшей мифологии, ибо многие персонажи нижнего подземного мира, связанные с шаманским культом, как, например, духи частей тела, использовались в ритуалах врачевания. Весьма многочисленными являются примеры идиом, восходящие к наименованию ненецкого верховного божества: так, сочетание *нув' нуд* «Млечный путь» содержит в себе слово *нуд* (ср. *Я' нуд* «ядро земли»), уже не известное сегодня многим носителям языка и означающее «то, что придает равновесие, устойчивость». Но и при наличии в устойчивых сочетаниях слов, всем хорошо знакомых, далеко не всегда известны мифы, с идиомами связанные. Таковы выражения типа *нумда, яда*

хобасянгу «он будет очень благодарен» (букв. «небо-его (для него), земля-для него без верхнего покрова»); это означало, по древним преданиям, что через отверстия в нижнем небесном покрове просвечивает в виде звезд золотой верхний свод неба. Здесь же подчеркивается, что даже такого покрова нет, все небо ясно видно). Понимание устройства мироздания в древности отражено во многих идиомах всех самодийцев. Так, в 1920-е гг. селькупы в школе поселка Янов Стан, по просьбе Е.Д. Прокофьевой, рисовали, как они представляют устройство мира, помечали на рисунках все слои неба, объясняли, что Млечный путь это *nín tjan wəty* «след сына бога» (или: *Ин тольчиль вэтты*, в транслитерации Е.Д. Прокофьевой, букв. «Ия лыжный путь»), знали миф о появлении Млечного пути, как и многие другие мифы, совершенно забытые в последнее время. Кстати, у венгров старое название Млечного пути, пришедшее из фольклора, *Hadakuttya* (зафиксировано в 1804 г.) буквально означало «войск путь-его»: согласно древнему сказанию, венгры шли из Азии в Европу по направлению Млечного пути, который в южных районах летом тянется с востока на запад. У трансильванских венгров миф о Млечном пути связан с отождествлением Млечного пути с тропой смерти, по которой младший сын Атиллы Чаба вел души трансильванских воинов. В наименованиях созвездий, обычно представляющих собой устойчивые словосочетания, кроется стройная система миропонимания древних самодийцев. Как показывают этимологические изыскания Е.А.Хелимского, А.Е.Аникина и др., часто возникают специфические астральные значения отдельных слов, причем нередко астрономические значения вторичны, являются народной этимологией. Интересна история наименования в ненецком языке созвездий *Нэрм' нумгы* (букв. «севера звезда») = *Алудад' нумгы* (букв. «зари звезда») 'Полярная звезда' или *Хáби'' нумгы* (букв. «остаяцкая звезда») 'Малая Медведица'. В большеземельских и западных говорах Большая Медведица называется созвездием (*нумгы''*), а не звездой: *Си''йв Со''ом'*, на что указывает количество звезд в созвездии – *си''йв* (семь). В селькупском языке современные носители языка, как правило, твердо знают наименование лишь Полярной звезды как *Qišqäl' pōrä* (букв. «звездная заводь»), в то время как исторически, по предположению А.М. Кастрена, Е.А. Хелимского, А.Е. Аникина, это название звучало как *Qišqäl' pōry* (у Кастрена *puoreä*) и было заимствовано, по мнению А.Е. Аникина, в русские диалекты Сибири в виде *перы* (созвездие, похожее на помост, лабаз. Ср. рус. диалектное *Лабаз-звезда* 'Большая Медведица'). Хотя ряд лингвистов находит сходство между ковшиком созвездия и лабазом, мне кажется более удачной версия подобия созвездия сохатому, лосю. Не случайно в традиции угорских народов в недавнем прошлом созвездие Большой

Медведицы описывалось как лось (четыре звезды = четыре ноги, ручка ковшика – рога (или хвост) оленя, а последняя звезда – собака или охотник, наступающий лось). В ямальском диалекте отмечается созвездие *Иры' яндо* (букв. «Лунный пёс»); по одной версии, это Плеяды, по другой, – Большая Медведица (во втором случае в основе наименования – тот же образ: четыре ноги + хвост).

Среди идиоматических словосочетаний встречаются **эвфемизмы** (сельк. *ġäl' amuyul' sūrur*, букв. «оленья пожирающий зверь» вместо *сипруна* «волк»; нен. *тэвā ямб* «волк», букв. «длиннохвостый»; *ям' мядота* (< *мядоць*) «бурый медведь», букв. «землю использующий в качестве жилища» вместо *вāрк*). **Этнонимы, топонимы, иносказательные выражения**, за которыми стоят определенные обряды, обычаи (в словаре подобные выражения помечаются как «этнографические»), также часто относятся к застывшим выражениям со значением, не выводимым из его компонентов.

Некоторые устойчивые сочетания сохранили свой первичный смысл, связанный с древними поверьями, обычаями, как напр., нен. *ту' хабте(сь)* «прекратиться роду» (букв. «огонь+погаснуть»); *ебц' вабтово'ма* «младший ребенок в семье» (букв. «люлька + место, где что-то в прошлом опрокинулось»; то же – в нганасанском), но одновременно такие сочетания могут употребляться сейчас и в прямом, и в переносном значении.

В последние годы при переводе Библии на ненецкий и энецкий языки переводчиками (носителями языка) нередко использовались древние идиомы, характерные для данных языков, в состав которых входят существительные, обозначающие органы человека, или абстрактные существительные типа *ум, сердце*. Так, глагол *опечалиться* переводился на ненецкий язык как *и" вомзь* (букв. «ум + испортиться»), существительное *мысль* – как *и" ну'* (букв. «ум+след») и т.п. Апробация перевода на ненецкий язык фрагментов Евангелия от Луки выявила в отдельных случаях наметившиеся изменения в использовании ненцами существующих в языке идиом. Например, если раньше (что отмечено в словарях) для передачи идном с эмоциональным значением чаще других употреблялись существительные *сей* «сердце» и *сёнзя* «нутри» (*сёнзя хэсь* «обидеться», букв. «нутри+уйти», *сей хэсь* «испугаться, струсить», букв. «сердце+уйти»), то теперь молодое поколение предпочитает в соответствующих идиомах заменять *сёнзя* на *сей*. Прежние идиомы постепенно становятся непонятными, первичная мотивация их возникновения исчезает и сами идиомы выходят из употребления. Им на смену появляются новые, которые окончательно сформируются при массовом усвоении их народом.

В отличие от идиом более очевидны по своей внутренней форме в ненецком и селькупском языках **фразеологизмы**. Внутренняя форма

многих из них вполне прозрачна. В селькупском языке среди устойчивых сочетаний с существительными, обозначающими части человеческого тела, встречаются народные анатомические термины, типа: *утул' вэцу* «мускул» (букв. «руки мясо»), *утул' сġцу* «пульс» (букв. «руки сердце») и т.д. Легко понимаемы такие фразеологизмы, как нен. *нув' ту* «молния» (сельк. *nūn tū*), букв. «неба огонь», *нув' сġяр'* «радуга», букв. «неба дуга» (на Ямале – *нув' пану*, букв. «неба оторочка на женской одежде, широкая полоса из бобровой или черной гладкой собачьей шкуры»). Ср. сельк. *nūn taŋku* с той же внутренней формой, что и *нув' сġяр'*. У Кастрена встречается сочетание *nun pontar* «радуга» (букв. «небо + окрестности», т.е. то, что вокруг). При этом нередко устойчивые сочетания, подвергаясь процессу фузии, превращаются в сложное слово, что, видимо, произошло с сельк. *nūn taŋku* > *nūntaŋku* или *nūn ĩeŋ tū* > *nūñeŋ tū* «зарница» (букв. «небосвод + огонь» < «небесной мездры огонь»). Подобные сочетания легко переходят в сложные слова в случае возникающих усечений основ или ассимиляционных процессов (напр., *apsōl'cy* «пищевод» < *apsy* + *sōl'* с происшедшей гаплогией; *ġor* «губа» < *ġk* «рот» + *top* «край»). В свое время Г. Н. Прокофьев этимологизировал гидроним Фарковка (у Г. Н. Прокофьева – Форково) как *porken+āk* (*pġrkān ġk*) «идола рот». Такого рода стяжения встречаются и в ненецком языке (см. *я' тир* > *яндир* «вселенная», букв. «земля + облако», *вада' хāра* > *ваданāра* пословица, поговорка, букв. «слово + изгиб, извилина»). В результате фузионных процессов происходит процесс опрощения и возникает сложное слово, нередко соседствующее с сочетанием слов.

Среди фразеологизмов очень часты **образные выражения**, постепенно перестающие *восприниматься* как образы и употребляющиеся только в фольклоре: нен. *Сэв'ни сġйвы* «Я потерял сознание» (букв. «глаза-мой утонули»); этому выражению из сказания соответствует литературный оборот *ялям' юра(сь)* «потерять сознание» (букв. «солнце забыть»), где образность сохраняется. Однако далеко не все фразеологизмы имеют в основе своей яркий образ. Так, в селькупском немало фразеологических оборотов, первоначально, видимо не считавшихся таковыми, для которых характерно употребление глагола с превербом: *tō ġl'cyqo* «отречься / от власти» (букв. «прочь упасть»), *ñennā pinqo* «принять роды» (букв. «вперед + положить»).

Забвение первичных значений компонентов в словосочетаниях, нередко обусловленное экстралингвистическими моментами, ведет к тому, что оборот начинает восприниматься как нечто целое, превращаясь у нас на глазах во фразеологизм или сложное слово. Исторические процессы такого типа происходят в языке постоянно,

можно сказать – ежедневно, но осмысляем мы их только спустя значительный период времени.

Литература

Аникин А.Е. 1997. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск.

Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. 1993. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Тексты и словарь. Москва.

Пелих Г.И. 1998. Селькупская мифология. Томск.

Прокофьев Г.Н. 1928. Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография, №2, с.96-103.

Терещенко Н.М. 1965. Ненецко-русский словарь. - Москва.

Терещенко Н.М. 1969. Об основных понятиях идиоматики в ненецком языке // Советское финно-угроведение, X, с. 3-12.

Терещенко Н.М. 1990. Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Ленинград.

Castrén M.A. & Lehtisalo T. 1960. Samojedische Sprachmaterialien. Helsinki.

Erdélyi I. 1969. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. Budapest.

Helimski E. 1983. The language of the first Selkup books. Szeged.